

18+

Юрий и Аркадий
Видинеевы

Собрание малоформатной прозы. Том 15

Юрий Видинеевы

Собрание малоформатной прозы. Том 15

<https://litres.ru/74306598>

ISBN 9785007086943

Аннотация

В этот сборник вошли некоторые произведения малоформатной прозы, разбросанные ранее по разным книгам: «Окончательный выбор», «Верная примета», «День любви», «В чудесах управляемых сновидений», «Дельфин» и «русалка», «До скорой встречи, Алёша!». Теперь для удобства читателей они объединены в один сборник и распределены по жанровым разделам.

Приятного прочтения всем, кто любит хоррор, мистику, фантастику, фэнтези, криминальную жуть и современную прозу!

Содержание

Хоррор	5
Поздней ночью	5
Неотразимая	11
Кошмар и явь	17
Ужасная ночь!	22
Сущность из тёмного мира	26
О бесследно забытом	30
Мистика	34
Неудачники	34
Глава 1. «Крендель» и «Враль»	35
Глава 2. «Очкарик»	38
День любви	40
Утерянное счастье	45
По случайному стечению обстоятельств?	50
Скоротечная метаморфоза	55
Любовь и страсть	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Собрание малоформатной прозы. Том 15

Юрий и Аркадий Видинеевы

© Юрий и Аркадий Видинеевы, 2026

ISBN 978-5-0070-8694-3 (т. 15)

ISBN 978-5-0051-0690-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Хоррор

Поздней ночью

*А ночью тут быстро и озабоченно носились
крупные тёмные крысы, гадкие и страшные.
Иван Алексеевич Бунин
«Поздний час»*

Будним днём территория предприятия полна размеренной, чётко организованной жизни, подчинённой биению делового ритма по Правилам внутреннего трудового распорядка.

С утра сюда прилетают дикие голуби, зорко высматривают какие-то невидимые человеческому глазу крошки, склёвывают их и идут продолжать свой поиск, помогая шаговым перемещениям центра тяжести движениями своих маленьких изящных головок. Всем своим видом они напоминают франтов из небогатых окраин какого-нибудь Южноамериканского мегаполиса.

Между голубями снуют шустрые драчливые воробышки. Среди воробышек часто вспыхивают ссоры, мгновенно перерастающие в драки. Они напоминают тинейджеров во время каких-то подвижных игр, отстаивающих свою правоту сило-

выми методами: кто сильнее, тот прав.

И голуби, и воробьишки — вполне миленькие птахи. Работницы предприятия постоянно подкармливают их зёрнышками, выставляют для них мисочки с водой.

А в ночное время по территории предприятия снуют крысы. Они напоминают ночные банды в станах третьего мира — хозяев безлюдных улиц. Их жертвы — запоздалые прохожие. Бандиты вооружены дубинками, цепями и обрезками арматурных прутков. В них нет жалости. Если они начинают бить, то забивают до смерти.

Сторожевые дворняги предприятия днём отсиживаются в вольере, а вечером, после окончания рабочего дня, сторожа выпускают их для выведения из их организмов отходов еды и питья и оставляют бегать по территории, оповещать особым лаем о проникновении на территорию посторонних и препятствовать свободному перемещению непрошенных посетителей.

На крыс сторожевые дворняги внимания не обращают, и те свободно снуют по всей территории предприятия по своим неблагоприятным делам.

Иногда офисные работницы задерживаются допоздна, и

тогда всякий их выход на территорию сопряжён с опасностью встречи с крысами. Для них такие встречи подобны встрече запоздалого прохожего на безлюдной ночной улице какого-нибудь мирового захолустья с бандой безжалостных отморозков.

Не дай Бог, столкнуться в жизни с такой отвратительной бандой!

А трусиха Тamarочка столкнулась.

Она вышла поздней ночью из двери офиса, ведущей на территорию и... оказалась на незнакомой улице незнакомого ночного города, вся энергетика которого пронизана колющими иглами опасности.

Как такое могло произойти?!

Тамарочка читала когда-то об ужасах непроизвольной телепортации, внезапно перемещающей человека в незнакомое место.

Страшно!

Мороз по коже!

Не хочется даже верить в то, что такое возможно, и вот это случилось с нею.

В ужасе Тамарочка метнулась назад, но офис исчез, от-

крыв место продолжению той же улицы, того же страшного города, объятого флюидами ночной жути.

Из-за ближайшего закоулка послышался усиленный ночной акустикой улиц многоголосый говор и смех. Такой дурашливый смех бывает только у обкуренных или обколотых наркоманов. Тamarочка забегала взглядом в поисках какого-либо укрытия, подбежала к первому попавшемуся дому, отчаянно заколотила в дверь.

Тщетно.

Кто откроет свою дверь в такой час, когда улицы полностью переходят во власть свирепых ночных банд?!

В эти кварталы полиция боится заходить даже днём. А ночью...

Тamarочка обречённо прислонилась спиной к запертой двери и обессиленно осела на порог.

Спасения нет и не будет.

*

Вскоре к Тamarочке приблизилась толпа подростков с кольями, цепями и обрезками арматурных прутков — излюбленным оружием ночных бандитов. Подростки обступили Тamarу со всех сторон, молча наслаждаясь её ужасом, смакуя

сладкий для них вкус и запах страха их безропотной жертвы. Все они были чем-то похожи на крыс.

Насладившийся первым впечатлением, главарь банды склонился над обмеревшей от страха Тamarочкой, обхватил её подбородок жёсткой клешнёй своей руки, приподнял её лицо и вонзил в её глаза свой взгляд, полыхающий садистским огнём.

— Пожалуйста, не трогайте меня! — жалобно проскулила Тamarочка.

Толпа бандитов удовлетворённо загоготала: жертва в нужной кондиции! Теперь её можно разрабатывать по полной!

И Тamarочка поняла, что будет дальше. Её охватило бесстрашие обречённой на смерть.

«Крысы! Мерзкие крысы!! Будьте вы прокляты!!!» — надрывно выкрикнула Тamarочка и забилась в истерике.

На её крики прибежала из своей спальни мать, затормозила Тamarочку.

Проснувшись, Тamarочка не сразу опомнилась от впечатлений своего кошмара, испуганно хватала мать за руки, прятала лицо на её груди, долго ещё содрогаясь от пережитого ужаса и омерзения.

Надо же присниться такой гадости!

Неотразимая

Семён возвращался с работы за полночь. Голова отяжелела от переутомления, перед глазами теснились видения: колонки цифр и документы со сведениями для полугодового отчёта.

Как-то Семён посетовал своему другу Родиону на сумасшедшие ежеквартальные авралы:

— Тебе что, ты лётчик, а я — ломовая лошадь, запряжённая в воз заковыристых бухгалтерских заморочек.

— Кто на что учился, — беззаботно улыбнулся Родион.

Он всегда был таким: жизнерадостным, пышущим здоровьем, беззаботным.

«Завидовать нехорошо», — приструнил тогда себя Семён. «Тем более, что в каждой работе есть не только минусы, но и плюсы. Главное, чтоб их баланс не сводился в „красное сальдо“».

На перекрёстке, в свете уличного фонаря, Семён увидел уже иное видение. Оно возникло перед его глазами вначале, как мираж, но затем материализовалось в виде молодого мужчины и молодой женщины в элегантных чёрных одеждах очень старомодного фасона. Они попрощались, и женщина пошла во встречном Семёну направлении. Увидев её вблизи, Семён испытал потрясение от её пронзительной красоты. В

её невероятной красоте был и зимний холод, и удивительная проникающая способность к мгновенному завладению душой и мыслями Семёна.

«Она уходит, уходит! А у меня нет ни сил, ни смелости на то, чтобы остановить её и дать мне на неё наглядеться. Хотя бы наглядеться...», — мучительно подумал Семён, и продолжил свой путь, уже не видя перед собою ничего, кроме запавшего в душу дивного облика этой женщины.

— Ну и как Вам моя знакомая? — спросил бывший спутник ледяной красавицы, когда Семён проходил мимо него. Он стоял на том месте, где расстался со своей спутницей, и раскуривал трубку.

— Она необыкновенно красива, — машинально ответил Семён и сам удивился тому, что поделился с незнакомцем таким сокровенным впечатлением, о котором не стал бы говорить даже ближайшему другу.

— И неотразима, — холодно прищурился незнакомец, и Семён расслышал в его словах какой-то нехороший подтекст, что-то настораживающее, опасное.

В этот момент та необыкновенная красавица неожиданно вернулась.

«Это Господь услышал мою молчаливую мольбу, рвавшуюся к Нему из моего разбитой сердца!» — радостно подумал Семён и окутал красавицу горячим, запоминающим взглядом.

дом.

— Арнольд, пожалуйста, проводи меня, там за углом кто-то прячется, и я чувствую, что он может причинить мне какой-то вред! — обратилась красавица к своему бывшему спутнику.

— Я не могу, Матильда. Познакомься с этим человеком, — указал Арнольд на Семёна. Я уверен, что на него ты можешь положиться.

— Я к Вашим услугам. Меня зовут Семён. Я местный житель. Готов сопровождать Вас, куда прикажете, — запальчиво затараторил Семён, трепеща от желания подольше побыть подле этой женщины, завладевшей его душой.

Тем временем бывший спутник необыкновенно прекрасной Матильды исчез (будто испарился!), и женщине ничего не оставалось, как принять предложение Семёна сопровождать её, игнорируя его невысказанное предложение руки и сердца.

*

За углом никого не оказалось, но это не успокоило Матильду:

— Он может поджидать меня возле гостиницы, внутри гостиницы и даже в моём номере! Я чувствую это! Моё сердце никогда меня не обманывает, предупреждая об опасностях.

— О! Если бы я мог! Если бы я посмел!! Я бы, как вер-

ный пёс оберегал бы Вас, оставаясь на коврике перед дверью внутри Вашего номера!!!

— Да, сделайте такое одолжение. Я вижу, что на Вас, действительно, можно положиться.

В номере люкс Матильда усадила Семёна за стол и наполнила два фужера вином.

— Давайте выпьем за наше знакомство, — предложила Матильда.

— На брудершафт?! — хотел выкрикнуть Семён, но (как можно!) эти слова застряли в его горле.

Однако Матильда, казалось, услышала его слова и «ответила на них» с загадочной полуулыбкой:

— Всё возможно, но не так сразу.

«Всё возможно! Всё возможно!! Всё возможно!!!» — перехватило дыхание у Семёна.

Они выпили. Матильда вышла из-за стола и направилась в ванную комнату.

Проходя мимо высокого напольного зеркала, Матильда обернулась к Семёну и одарила его ослепительной многообещающей улыбкой.

Эта улыбка неожиданно показалась Семёну фальшивой и

настораживающей.

Что его так насторожило в её улыбке?

Или в том, как она шла?

Да! Именно в том, как она шла мимо высокого зеркала!!

В зеркале...

Вампиры не отражаются в зеркале, — вспомнилось Семёну поверие, слышимое им от стариков.

«Какое дремучие суеверие!» — думал тогда Семён. — «Какие вампиры?! И как они могут „не отражаться“ в зеркале?!!»

Но почему он не увидел отражение в зеркале Матильды?

И вдруг, как ответ на эти вопросы и как ключ к ужасной разгадке, Семён вспомнил слова Арнольда:

«Да, она неотразима».

Семён расслышал тогда в этих его словах какой-то нехороший подтекст, что-то настораживающее, опасное.

«Она неотразима в зеркалах! Она вампирша!! Они оба вампиры!!!» — взорвалось в голове у Семёна.

«Бежать! Бежать, пока не поздно!» — решил Семён. Он

попытался вскочить со стула, но ноги не слушались его.

«Это моя смерть...»

Ужас, охвативший душу Семёна и сковавший холодом его сердце, начал ослабевать, уступая место безразличию, в голове его за клубился розовый туман. Это начали действовать колдовские винные пары. Вино оказалось необычайно хмельным. То ли от этого вина, то ли от пьянящей энергетики Матильды, вышедшей из ванной комнаты во всей красе своего обнажённого тела, Семён «поплыл» и вознёсся в слепящее сияние небосвода.

Он не слышал, как в номер вошёл Арнольд.

Он не слышал, как Матильда, указав ему на Семёна, произнесла:

— Мы можем приступать.

...И они приступили...

Кошмар и явь

*Было в этом кошмаре что-то, отличающее его
от остальных сновидений. Какая-то очень
чёткая реальность. Достоверность,
граничащая
с явью.
Арч Стрэнтон «Кошмар на улице Вязов»*

Моим соседом по двухместному гостиничному номеру оказался охотовед. Так он представился. Имя своё он произнёс неразборчиво, но переспрашивать я не решился: он упредил мой вопрос таким взглядом... Из его жёлтых глаз меня просквозило колючим холодом. В них было что-то звериное.

Впрочем, это впечатление длилось всего несколько мгновений. После того, как я передумал о чём-либо расспрашивать этого странного человека, взгляд его вновь принял прежнее равнодушное выражение, и я решил, что пугающая звериность его взгляда мне просто показалась из-за бликов закатного солнца, отразившихся в радужной оболочке его глаз.

В одиночестве я спустился на первый этаж, вошёл в ресторан при гостинице, заказал сытный ужин и 150 грамм водки. В свой номер я вернулся поздно вечером. Охотоведа там

в то время не было. Я лёг в постель и сразу уснул крепким сном.

Проснулся я среди ночи от жуткого волчьего воя. За окном холодным, мертвенным светом сияла круглая луна. Часы на стене показывали полночь.

Волчий вой повторился. Теперь он слышался уже за дверью в мой номер.

Как такое возможно?!!

Я включил потолочный свет, схватил со своей тумбочки бутылку с остатками газированной воды. Ощувив внезапную сухость во рту, я выпил прямо из горлышка остатки газировки и крепко зажал бутылку за горлышко нижним хватом. Если мне придётся сражаться с волком, я отобью часть бутылки о спинку кровати и воспользуюсь образующейся «розочкой» как эффективным холодным оружием.

Огромный волк ворвался в мой номер так быстро, что я едва успел отбить нижнюю часть бутылки и выставить хищные края «розочки» перед его злобно ощерившейся пастью. Теперь нас разделяло только очень короткое расстояние для

атакующего волчьего броска и моего контратакующего выпада. Мы оба застыли в мысленном прокручивании своих дальнейших действий. Из жёлтых глаз взъерившегося монстра на меня хлынул шквал обжигающе колючего холода.

Это напомнило мне... звериный взгляд моего соседа по номеру.

«Что за чертовщина?! Такого не может быть!!!» — разорвалась шаровой молнией в моём сознании дикая, несуразная мысль о превращении нелюдимого охотоведа в кровавого монстра.

Напряжённое противостояние между мной и зверем затягивалось. Наши шансы в смертельной схватке были для нас очевидны: погибнем оба.

И монстр отступил.

Злобно рыча, он попятился и исчез за дверью.

Я понял, что он уже не вернётся.

Сумасшедшее напряжение сменилось во мне ощущением полного упадка сил. Меня заколотила крупная нервная дрожь. Ноги мои обмякли, и я, как подкошенный, повалился в постель, в тёмный омут сна, кишашего отвратительными кошмарами.

Проснулся я поздно. Ночное происшествие вспомнилось мне то ли, как бред, то ли, как жуткий кошмар. Моё сознание отказывалось воспринимать его как нечто несовместимое с обычным порядком вещей.

Оказалось, что пока я спал, охотовед выехал из гостиницы. Его место занял другой постоялец — весёлый, словоохотливый армянин с лучистым взглядом маслянистых глаз.

— Вижу, вижу, дорогой! У тебя совсем голова болит! Вчера ты тут немножко пошалил. Бутылку разбил, собаку с улицы приводил. Шерсть её на ковре была. Сейчас дело к зиме идёт, все собаки линяют, шерсть сбрасывают клочьями. Горничная всё убрала. Хотела большой скандал поднимать, но я с ней поговорил, этот скандал уладил.

Всё будет хорошо!

А тебе у меня есть лекарство. Вот, прими его и хорошо тебе станет, — протянул мне армянин стопку полную стопку дорогущего армянского коньяка.

Я послушно выпил.

«Что за бред он несёт? Какая разбитая бутылка? Какая собачья шерсть? Не было ничего! Ни волка, ни разбитой бу-

тылки! Это был мой кошмарный сон, поразительно похожий на явь!» — пытался я сохранить в себе здравый рассудок, но он дал трещину, пошатнулся и вот-вот готов был рассыпаться на мелкие осколки.

— Налей мне ещё! — попросил я армянина.

— Пей, дорогой. И закусывай, а не то совсем пьяный будешь!

Он выложил на тарелочки лаваш, нарезанную узкими кусочками баранину, разнообразную зелень.

— Ты клади, дорогой, мясо и зелень на лаваш и сворачивай в трубочку. Бертуч будет. Совсем вкусно будет и сытно. А ещё вот тебе виноград, инжир, апельсины.

Я выпил и с удовольствием набросился на закуски.

Потом выпил ещё и ещё.

«Не было ничего! Ни разбитой бутылки, ни звериной шерсти! И думать об этом не нужно! Это был страшный кошмар, очень чёткий. Очень достоверный. До сумасшествия граничащий с явью».

Ужасная ночь!

Ужасная ночь! Удивительная ночь!

Джек Лондон

*Роман «Смирительная рубашка (странник
по звёздам)»*

Тим шёл по тёмной улице, опасливо озираясь по сторонам. Яркая круглая луна светила грозно, предостерегающе. В её мистическом свете заколоченные крест-накрест двери и окна домов выглядели мрачно и враждебно.

Тима всегда бесило, если вслед ему из под какой-нибудь подворотни истерично взлаивала собака, но сейчас мёртвая тишина этого заброшенного поселения давила на нервы ещё жёстче и болезненнее, чем пугающе-внезапный собачий лай.

«Не надо было сворачивать сюда с автострады в поисках отдыха и ночлега», — думал Тим, мысленно проклиная это поселение-призрак с его дорожной табличкой «Западное».

Ему вдруг пришло в голову, что название этого поселения производно не от наименования стороны света, а от слова «западня».

Улица, по которой шёл Тим, оборвалась перед чёрным провалом глубокого оврага, от которого тянуло сыростью, холодом и... опасностью.

Тиму показалось, что в овраге затаилась его смерть, что она уже тянет к нему свои незримые щупальца, цепкие и прочные, как колючая проволока. Его взгляд испуганно заметался по сторонам в поисках спасения. В самом крайнем доме сквозь щели закрытой ставни струился слабый, едва различимый свет. Дверь и окна этого дома не были заколочены, а огонёк — это признак обитаемости.

«Вот где моё спасение от смерти!» — кинулся Тим на крыльцо того дома, без стука вбежал в тесные сени, подсвеченные бликами лунного света, из них — в просторную комнату.

В красном углу перед иконой горела лампадка, источая не запах ладана, а запах серы.

Ещё не понимая значения этого странного запаха, Тим повалился на колени перед иконой и молитвенно вскинул ко лбу сложенные для крестного знамения три пальца правой руки.

Слова «Господи, спаси и сохрани!» застряли в горле, а рука, вскинутая для осенения себя спасительным крестным

знаком, застыла возле лба при устремлении взгляда к иконе. Там, вместо святого образа, Тим увидел ужасную личину с рогами, к козлиными ушами и бороною.

Сзади Тима скрипнула половица. Этот тихий звук пронзил сердце Тима смертельным ужасом. Не имея сил подняться с колен, Тим, разворачиваясь в сторону того звука, завалился на бок, затравленно глянул туда, где ожидал увидеть костлявую фигуру с косою, но то, что предстало его глазам, было намного ужаснее.

Было даже необъяснимо, в чём именно состоял этот неопиcуемый ужас.

Казалось бы, что ужасного может быть в маленькой девочке, лет восьми, в коротком чёрном балахоне, едва прикрывающем её худые, мертвенно бледные ноги и такие же худые, мертвенно бледные руки?

Возможно, ужас наводили её глаза, светлые, круглые, сияющие диким безумием и нечеловеческой жестокостью?

— Кто ты? — пролепетал Тим, впадая в полуобморочное состояние.

— Я главный потрошитель, — холодным, бесстрастным голосом ответил ему его Ужас в облике маленькой девочки, и Тим увидел в правой руке её большой нож для разделывания туш, а на лице её появилась и застыла нехорошая, внушающая ужас улыбка. В её глазах загорелся и стал наполняться

жаром яростный садистский огонь.

— Не подходи ко мне!!! — зашёлся в предсмертном вопле Тим и схватился за сердце.

*

...А наутро...

Дверь в дом Тима была не заперта. Чуть свет к нему в комнату ввалился по давно установившейся привычке его кум, верный собутыльник и законченный маргинал Лаврентий.

«Эй! Тимоня! Хватит дрыхнуть! Вставай и сообрази какую-нибудь закуску! Я молочка принёс от бешеной Бурёнки!»

Тим лежал в своей постели с остекленевшими и выпученными от ужаса глазами.

Он умер во сне.

В ужасном кошмарном сне.

Сущность из тёмного мира

По телевидению показывали ужастик. Ночное время обостряло восприимчивость и снижало критичность мышления. Эмоциональный фон, подхваченный сопереживаниями героине фильма, попавшей в смертельную западню, взметнулся, пробив потолок, защищавший мир Инги от власти тёмных сил. И... она заметила краем глаза, как в угол её спальни, туда, где тьма не рассеивалась ночником, метнулось серое пятнышко, проворное и противное, как таракан.

Тараканов Инга боялась, поэтому серое пятнышко её сильно напугало. Она сжалась под одеялом и с ужасом подумала о том, что если эта проворная и противная сущность заберётся в её постель, то она умрёт от страха. В это время героиню фильма схватило за ногу отвратительное чудовище, и та забилась в истерике. Инге показалось, что серая проворная сущность выскочила из тёмного угла и, нырнув к ней под одеяло, ужалила её в ту же ногу, которая оказалась у героини фильма в захвате киночудовища.

Инга пискнула и поджала ноги, притянув колени к подбородку. Её сковал такой страх, что даже простой таракан мог бы сейчас безнаказанно терзать её беззащитное тело, не говоря уже о том, какую власть может обрести над нею такая непонятная сущность, как проворное и противное серое пятнышко, явившееся из иного, тёмного мира, где всё есть

зло и агрессия.

И Инга почувствовала себя в такой же смертельной западне, как та бедняжка из киноужастика. Она всю ночь промучилась от страха. Лишь под утро на неё навалилась сонливость и затянула её в чёрный омут сна. Но и сон не стал для неё избавлением от преследования серой проворной сущности. Каким-то чудом Инга вспомнила, что нечисть немедленно исчезает, если твёрдо и смело сказать ей:

«Назови своё имя!»

Она боится того, что, узнав её имя, человек человек призовёт Бога уничтожить её.

Но нечисть оказалась хитра. Она ответила с иносказательной уклончивостью:

«Имя мне: Легион».

*

С того первого появления серой проворной сущности, она стала навязчивым, неотступным спутником Ингиной жизни, превратив её жизнь в фильм ужасов. Она скрытно сопровождала Ингу повсюду: и дома, и на улице, и на работе. Из спокойной, смешливой и задиристой Инга превратилась в серенькую тихоню с вечно настороженным мышинным взглядом.

дом, с признаками неуверенного, пугливого поведения. Она сменила работу, избавившись от расспросов о том, что с нею происходит, обменяла жильё по ухудшенному варианту на бесприютной городской окраине, где обосновались злобные стаи беспризорных собак, бомжи и прочий деклассированный элемент. Там её не знали, не приставали с расспросами, но... приставали с целью ограбления и овладения её телом.

На этот случай у Инги всегда были при себе газовый баллончик, который выручал её от маргиналов и электронный отпугиватель собак, обращающий в бегство злые собачьи своры.

Вот только от серой проворной сущности спасения не находилось. Днём эта жуткая сущность пряталась у Инги за спиной, обнаруживая своё присутствие лишь на интуитивном уровне, а с наступлением темноты начинала всё активнее сновать по полю периферийного зрения Инги, доводя её до крайней степени отчаяния.

Инга решила искать спасение в посещении церковных богослужений, но злобная потусторонняя сущность проникла в эти её мысли и стала жалить её при всяком к ним возвращении, и Инге пришлось от них отказаться.

*

Инга не верила в чудеса. То, что происходило между нею и

серой потусторонней сущностью она воспринимала, как проклятие.

А чудо...

С наступлением тёмного времени суток наступало время её страданий. Но на этот раз перед отходом ко сну Инга ощутила вдруг, как на неё снизошла неведомая ей благодать, осветившая её душу, наполнившая её новыми, свежими силами, а воздух — запахом ладана и фиалки.

Из ниоткуда, из воздуха, возникла перед Ингой в её спальне худенькая старушка в зелёном кителе военного покроя, в красной юбке. В её простом обличии не было ничего необыкновенного.

«Измучилась ты, бедняжка, от страхов перед силами зла. Не бойся теперь этих сил. Не посмеют они отныне мучить тебя своей злобой. Возьми этот медный крестик и никогда его не снимай», — произнесла та старушка и исчезла, оставив в руке Инги обычный нательный крестик.

С тех пор Инга носит его, не снимая, и упоминает в каждой своей утренней молитве святое имя своей избавительницы от мучивших её злобных потусторонних сил.

О бесследно забытом

Кошка Заби (полное имя: Забияка) была любимицей всей семьи. Сама же она вела себя, как надменная барышня, ни за чьими ласками не гонялась, нехотя терпела то, как детишки усаживали её к себе на колени, гладили и расчёсывали её лоснящуюся шёрстку, однако, мурлыкала Заби только в руках у бабушки, выделяя её тем самым среди прочих членов семьи как свою фаворитку.

Но однажды вечером Заби, будто взбесилась. Она затравленно завизжала, заметалась по комнате. Шерсть её вздыбилась, хвост распушился и взвился вверх. Закончились метания Заби тем, что она вырвалась из дома и стремглав бросилась со двора, будто за нею гналась свора злобных собак,

Вся семья наблюдала за бешеными метаниями своей всегда вальяжной и надменной любимицы, смутно предчувствуя, что в дом вошла неведомая, незримая, но страшная инородная сущность, перепугавшая кошку Заби. Каждый из членов семьи в ту роковую минуту испытал безотчётный страх.

С тех пор безотчётный страх прочно обосновался в доме, став его частью и сутью.

Незримая инородная сущность из чужого враждебного мира проникла в неорганическую фактуру всех конструкций дома, всей мебели и предметов домашнего обихода. Даже продукты питания и пищевые жидкости стали безвкусными, а их запахи — затхлыми, тошнотворными.

Бежать бы прочь от всего этого, но как?

Страх, овладевший всеми членами семьи, лишил их воли к самосохранению, вселил в них чувство покорности и готовности безропотно переносить любые муки, насылаемые оккупировавшей их сущностью.

Эта сущность питалась страхом, который она внушала всем членам этой семьи: трёхлетнему ангелочку Андрейке, пятилетней милашке Люсеньке, восьмилетнему вундеркиндику Жорику, двенадцатилетнему Петеньке, помешанному на точных науках и решившему продолжить династию технической интеллигенции — бабушки и родителей, — которые, как и их дети, тоже питали своими непреодолимыми страхами невидимую злобную сущность.

Вскоре к невидимому источнику непреодолимого страха, поработившего это добропорядочное семейство, добавился новый источник страха: в дом вползла огромная змея, источающая колючую, замораживающую кровь энергетику, и

сразу стало понятно, что это омерзительное чудовище тоже питается чужими страхами.

Впрочем, это была не совсем змея. В её холодном взгляде светился пугающий нечеловеческий ум, подчиняющий своей гипнотической властью всякого, на кого он был обращён. Эта полужмея — полу, дьявол её знает что, говорила устрашающе-ласковым голосом в тембре эротического сопрано, и слова её вонзались в мозг как команды, подлежащие неуклонному исполнению. Она приказала всем членам семьи лечь на пол рядом друг с другом и замереть. Лежать, дрожать и бояться! И все члены семьи покорно легли на пол рядом друг с другом и замерли, охваченные страхом. Лежали, дрожали, боялись.

И потянулись минуты, часы и дни в невыносимых муках ужаса перед невидимой сущностью и перед отвратительным чудовищем, явившимися в их жизнь из чужого враждебного мира.

Казалось, что только смерть избавит несчастных страдальцев от этих невыносимых мук. Но избавление оказалось иным.

Новая бесплотная сущность проникла в дом, излучая яр-

кий, слепящий свет.

При её появлении в доме нечисть взвыла от страха и заметалась точно так же, как металась, ища спасения, кошка Заби. И члены семьи увидели то, что не положено видеть людям: битву силы света с тёмными силами зла не чужими руками, как это чаще всего творится со стороны тёмной силы, а через её непосредственных представителей во всей их чудовищной наготе. Такое нельзя оставлять в памяти сторонних наблюдателей из-за угрозы их психическому здоровью, поэтому всё это было стёрто из памяти тех невольных свидетелей полностью, начиная с того момента, когда незримая инородная сущность из чужого враждебного мира проникла в их дом.

Кто может утверждать, что он сам не пережил ничего подобного, но не помнит об этом лишь потому, что это было стёрто из его памяти полностью, начиная с того момента, как в его жилище вторглись сущности из чужого враждебного мира?

Разве эти стёртые из памяти переживания не напоминают всем нам о себе периодически всплывающими из глубоких закоулков подсознания безотчётным психологическим дискомфортом, тревожностью и боязливым послечувствием того, чего будто бы не было?

Мистика

Неудачники

У некоторых людей клеймо неудачника вызывает сочувствие, а у некоторых — презрение.

У неудачников всё происходит наперекосяк, как в песне «Остров Невезения» (муз. А. Зацепина, сл. Л. Дербенёва) из фильма «Бриллиантовая рука»:

Что они ни делают, не идут дела...

Этих бедолаг не так много, но отдельные неудачи сопутствуют каждому человеку, особенно, когда чёрно-белая жизнь входит в чёрную полосу. Однако, жизнь без неудач лишена её обучающего предназначения. Проживёт человек жизнь, полную всяких побед и... ничему не научится в плане противодействия неудачам.

Неудачи порождают острые переживания, заставляют задуматься, как надо было бы действовать, чтобы с честью выйти из той ситуации, которая привела к поражению.

Глава 1. «Крендель» и «Враль»

Все ребята в нашей уличной компании считали Сашку «Кренделя» придурковатым. Если, смеха ради, его быстро-быстро и энергично спрашивали:

«Сашок, тебя как зовут?!» — он растерянно задумывался.

«Ха-ха-ха! Ну, ты, „Крендель“ и тормоз!!»

Зато в шахматах «Крендель» был среди нас чемпионом. Мы даже искали среди знакомых и знакомых этих знакомых того, кто смог бы одолеть нашего «Кренделя» в шахматах, но он легко всех обыгрывал. А во всём остальном «Крендель» был анекдотично неудачлив. Девчонки его чурались, а мы, уличные забияки, не принимали «Кренделя» в те игры, в которых одна команда соревновалась с другой, потому что он неизбежно привёл бы свою команду к проигрышу.

«Крендель» часто жаловался нам на свои неудачи. При этом он рассказывал всё так, как оно и происходило на самом деле, не пытаясь ничего исказить, чтобы выставить себя перед нами в более выгодном свете.

Один из таких рассказов «Кренделя» был о его встрече возле кинотеатра «Ударник» с таборной цыганкой. Все знают, что им надо смотреть не в глаза, а на переносицу, чтобы не подвергнуться воздействию мгновенного цыганского гипн-

ноза. Все знают, что ничего нельзя передавать им из рук в руки и ничего нельзя брать из их рук. Знал об этом и «Крендель», но, как всегда, растерялся перед быстрыми-быстрыми и напористыми словами цыганки-гадалки-мошенницы.

Она сначала взяла слабовольного «Кренделя» на жалость.

«Дай мне, добрый мальчик, пять рублей моим цыганятам на пропитание, они кушать просят, а у меня за душой ни копейки».

«Крендель» дал цыганке пять рублей, и она из жалостливой просительницы мгновенно превратилась в взбесившуюся кобру, изготовившуюся к атакующему броску, быстро, ловко вырвала из головы «Кренделя» волос, накрутила его на пятирублёвый казначейский билет и угрожающе зашипела:

«Вот твой волос вокруг твоей подачки в моих руках! Это твоя судьба и твоё здоровье теперь в моих руках! Давай быстро мне все свои деньги, что у тебя с собой, а не то я страшную хворь сейчас на тебя напущу! Видишь рога на моей голове?! А сзади у меня под юбкой хвост! Быстро давай сюда деньги!»

«Крендель», как в тумане, беспрекословно отдал цыганке все деньги, которые были при нём.

Легко отделался!

Женщина, которая после него попала под цыганский гип-

ноз той же самой мошенницы, привела её к себе домой и отдала ей все свои денежные сбережения и золотые украшения, не испытывая при этом ни каких переживаний. Только некоторое время спустя, когда цыганки и след простыл, женщина вдруг спохватилась:

«Что же я сотворила? Что это на меня нашло?!»

Такой вот чудак, наш «Крендель».

*

Был в нашей уличной компании ещё один чудак. Звали его Лёнька «Враль». Он тоже постоянно попадал в глупые ситуации и выходил из них дураком, но, в отличие от «Кренделя», Лёнька «Враль» рассказывал о своих приключениях, перевирая всё так, будто он действовал разумно и храбро, как самый настоящий супермен. Мы быстро раскусили его враньё и, следуя мудрым традициям североамериканских индейцев из вестернов с участием Гойко Митича, стали требовать от нашего «Враля», чтобы он во время своих сочинялок показывал, как он действовал.

А какой из Лёньки «Враля» супермен?!

Глава 2. «Очкарик»

Самым умным в нашей уличной компании был Максимка «Очкарик» — фантазёр, выдумщик, всезнайка и любитель «альтернативного взгляда на мир».

— Гипотетически, — сказал однажды «Очкарик», — наши чудики «Крендель» и «Враль» получают от этой жизни больше полезных уроков, чем любой из нас. А это значит, что если верно предположение о переселении душ, то при нашей встрече с «Кренделем» в другой жизни, он окажется там мудрее и успешнее всех нас.

— Почему это только «Крендель»? А я? — обиделся Лёнька «Враль».

— Потому, что «Крендель» чистосердечно и добросовестно переживает все свои неудачи, мучается над ними и думает, как нужно поступить, случись с ним такое в будущем. А ты, «Враль», пытаешься выбросить всякие мысли о своих неудачах из головы, морочишь себя и нас своими глупыми выдумками и остаёшься в итоге с невыученными жизненными уроками, как школьный двоечник.

Всё так и получилось, как напороочил «Очкарик».

Я не ожидал, что после смерти я воплощусь во вновь нарождающейся жизни в нынешнем мире, по отношению к которому тот мир, в котором закончилась моя предыдущая жизнь, остался в параллельной реальности.

Почти всё, с чем столкнулся я в этом мире, оказалось таким же, как в прошлом мире, но в то же время иным. Теми же были мои родители, только с изменённым восприятием самих себя, меня и всего вокруг них.

Иным уже был и я.

Все мы стали прозорливее и мудрее. Всеми нами был получен шанс заново прожить свои жизни, избегая тех прежних своих ошибок, которые мы болезненно пережили и глубоко обдумали.

Теперь наш «Крендель» ходил в везунчиках и уже не казался придурковатым, а наш «Враль» продолжал «наступать на те же грабли», оставаться всякий раз в дураках и выдумывать для нашей уличной компании побрехушки о том, как он смело и находчиво выходил изо всех своих бед.

День любви

Отдых в деревне Денис решил провести активно. Он с вечера приготовил привезённые им из города шесть удочек, наживку, заранее расспросил у местных жителей о рыбных местах и о том, как до них добраться, собрал свой походный рюкзак, завёл будильник на 4:00 и пораньше лёг спать, чтобы выйти к лесному озеру ещё до утренней зорьки.

Путь до лесного озера взбодрил Дениса. Дорога была окутана молочно-белым туманом, свежий воздух слегка кружил голову ароматом степных трав, всё его тело ликовало от мышечной силы, молодая кровь весело циркулировала в крупных протоках и капиллярах.

На берегу Денис выбрал место, свободное от зарослей осоки и камыша, установил заранее припасённые рогатинки под удилища, поплевал, по старой рыбацкой традиции, на насаженную на крючки наживку, забросил снасти на всю длину лески, и занялся приготовлением завтрака: натаскал валежника для костра, развёл огонь, принёс чистой озёрной воды в чайник, приладил его над костром, накипятил воду для кофе, разложил на расстеленной скатёрке нехитрую походную закуску, не забывая между этими занятиями подходить к удочкам и понаблюдать за поплавками.

Клёва всё ещё не было, хотя утренняя зорька уже вступила в свои права.

«Надо было бы с вечера запривадить рыбу на это место», — с сожалением подумал Денис.

— Это ничего бы не изменило. Сегодня клёва не будет, — услышал Денис за спиной красивый девичий голос.

Денис обернулся и обомлел от охватившего его очарования: в жизни не видел он такой дивной красавицы. Гибкий стан, рельефные грудь и бёдра, лебединая шея, алые лепестки сладострастных губ и лучистые янтарные глаза пронзили его сердце. Дыхание у Дениса перехватило, сердце заколотилось, и он не сразу нашёлся с ответом.

— Отчего же сегодня клёва не будет? — брякнул Денис.

— От того и не будет, что сегодня у всех обитателей этого леса и озера самый большой праздник — День любви.

Денис слушал слова красавицы и впадал в нарастающей силы транс от порабощающего звучания её голоса. Его воля растворилась в звуках этого голоса, его тело вышло из-под контроля разума и, повинуясь неведомой силе, Денис подошёл к красавице, положил свои запыхавшие жаром ладони на её удивительно изящные плечи. Руки девушки покорно обвисли, и Денис почувствовал в этом готовность этой невероятной красавицы отдаться ему. Мгновенно вскипевшая кровь бросилась ему в голову, и Денис, в ослеплении разума, стал лихорадочно действовать по давно отработан-

ной схеме, в которой нежность переплетается с решимостью в пропорциях и последовательностях, сводящих женщин с ума.

Девушка и мужчина многократно возносились на пик блаженства, граничащего с безумством, падали с его заоблачных высей и возносились вновь, вновь и вновь.

Девушка опомнилась первой. Она превратилась в лягушку и исчезла в озере.

Денис, ошалев от этой неожиданности, попятился, споткнулся обо что-то и, падая, так ударился затылком о свой же плащмя лежащий на земле топорик, что надолго потерял сознание.

*

Очнувшись, Денис вспомнил всё, но то, что произошло между ним и красавицей, было подёрнуто пеленой необузданной страсти и теперь воспринималось им, как тяжёлый бред, навеянный ушибом головного мозга, а то, чем завершилась их встреча, было столь сюрреалистично, что просто не могло быть на самом деле.

Назад Денис возвращался на непослушных ногах, с трудом преодолевая приступы головокружения и тошноты, пе-

реходящие в долго непрекращающуюся рвоту. Уже недалеко от деревни Денису повстречался старик, которого он раньше не видел.

«Что, дурья твоя башка, накувыркался с девушкой-лягушкой в День любви?» — спросил Дениса старик.

«О чём это он говорит? Не было же этого ничего! Мне всё это привиделось в бреду, когда я разбил себе голову при падении на спину!» — растерялся Денис. — «В действительности такого не могло быть!»

Денис хотел сказать это старику, но тот исчез так же внезапно, как появился.

После того случая Денис не раз пытался полунамёками расспросить местных жителей, бывает ли в тех местах день, когда все обитатели озера и прилегающего к нему леса, заняты какими-то своими делами и потому не даются ни рыбакам, ни охотникам?

Его выслушивали с неподдельным изумлением и отвечали, что такого в их местах не бывало.

Тогда Денис попробовал расспросить их о старике, который повстречался ему на исходе неведомого местным жителям Дня любви, празднующегося обитателями их озера и леса, но и старика такого они никогда не видели.

Однако, это Дениса не успокоило. Мало ли на свете чудес, о которых люди не слышали, которых они не видели, а узнав

от других, сочли бы это глупым вымыслом?

Ведь то, в чём усомнился вначале сам Денис, подтвердил никому не известный старик, который каким-то образом знал и о Дне любви, празднующимся обитателями озера и леса, о том, как эта любовь овладела сердцами Дениса и невероятно красивой девушки, и о том, во что превратилась эта девушка после того, как насытилась их любовью.

Утерянное счастье

Кирилл считался счастливчиком. Его уважали коллеги, любили женщины. Его социальное положение всем казалось незыблемо прочным. Но сам Кирилл этого не чувствовал. Его грыз изнутри червь сомнения и неудовлетворённости жизнью. Дары судьбы воспринимались им, как праздничные шарики, красивые снаружи, но пустые внутри. Его душа томилась мечтой о счастье, красивым не только снаружи, но и внутри, избыточно переполненном яркой праздничной красотой.

Такое счастье должно было быть.

Оно есть.

Оно ожидает Кирилла где-то, за каким-то неведомым поворотом его жизненного пути.

Нужно лишь услышать его зов и смело пойти на него.

*

И вот однажды, в ночь с пятницы на субботу, Кирилл почувствовал в себе какое-то нарастающее беспокойство. Ещё не понимая его причины, Кирилл поддался велению этого странного чувства, доверился его немому зову.

Под воздействием того чувства, Кирилл вышел из дома и направился по маршруту, состоящему из многочисленных непредсказуемых поворотов. Его зрение вскоре вошло в туннельное состояние. Он видел перед собою лишь тротуарную полосу, по которой передвигался не по воле разума, а под воздействием смутного влечения интуиции. Время неуклонно близилось к полночи, то есть, к двум часам ночи.

Общепринятое заблуждение о том, что полночь приходится на 24:00 не соответствует результату простейшего математического действия: делению. Ведь ночное время, согласно тому, как это юридизировано статьёй 96 Трудового кодекса Российской Федерации, введённого в действие с 01.02.2002 года, и пунктом 21 статьи 5 Уголовного процессуального кодекса Российской Федерации, введённого в действие с 01.07.2002 года — это период с 22:00 до 06:00 по местному времени. Следовательно, половина этого временного периода выпадает ровно на 02:00 часа ночи.

*

В отличие от парадоксов квантовой науки, время, отсчитываемое на смартфоне Кирилла, подошло ровно к правильной в математическом и юридическом отношении полночи, независимо от того, наблюдал ли это Кирилл, или не наблюдал.

А вот то, что происходит в окружающем пространстве этого необычного времени, полного мистических тайн, можно узнать, только наблюдая его разительное преобразование.

В одно мгновение, не имеющее какой бы то ни было длительности, всё, что прежде казалось давно знакомым, вдруг перестаёт казаться таковым и обрушивает эту невероятность на мироощущение наблюдателя, как «удар мешком из-за угла».

Старческое расстройство психики может проявляться в том, что знакомое место вдруг становится чужим и неузнаваемым. Тогда старики, вышедшие из дома без сопровождения, теряются, как малые неразумные дети. Вот и Кирилл потерялся, оказавшись застигнутым на улице своего родного, с детства знакомого города, в полночь.

Куда идти, чтобы вернуться домой?

Кирилл шёл, надеясь выйти туда, где появятся знакомые ориентиры, но они всё не попадались, будучи преображёнными мистикой обманчивого полночного часа. Его путь закручивался воронкой, подобной той, что закручивает пловца над глубоким провалом дна, затягивает его в тот провал и выбрасывает из его глубины уже мёртвое тело.

Так, блуждая по неузнаваемым местам, Кирилл оказался перед небольшим домиком, в котором призывно светились

сквозь белые занавески тёплые огоньки.

Ноги сами завели Кирилла на крыльцо того небольшого домика, рука сама постучала в дверь.

За дверью Кирилл слышал лёгкие шаги.

Дверь открылась.

За той таинственной дверью Кирилл неожиданно для себя обрёл настоящее счастье, красивое не только снаружи, но и внутри, избыточно переполненное яркой праздничной красотой.

В этом сказочном счастье выходные дни пронеслись, как одно короткое мгновение.

Уходя на работу, Кирилл верил, что по возвращении он вновь окунётся в это чудом обрётённое им счастье.

После работы Кирилл бодро направился к домику, в котором ждало его счастье.

Его бодрость быстро улетучилась, когда он понял, что заблудился. Он пытался вспомнить дорогу, по которой случай-

но набрёл на тот небольшой домик, где встретил счастье, но тогда пространство было иным.

Возможно, оно как-то искривилось, перешло в иное измерение?

Кирилл стал призывать на помощь интуицию, которая привела его к счастью, но она замолчала навеки.

По случайному стечению обстоятельств?

Он родился 14 февраля, в день, который с некоторых пор, вопреки церковным праздникам, миряне стали праздновать как День святого Валентина, и получил имя этого святого. Но никакой связи с датой празднования мирянами дня того святого в этом не было. Это было первым случайным стечением обстоятельств в жизни новорождённого.

Также, безо всякой связи с тем, что святой Валентин, согласно лживым измышлениям, будто бы, был снисходителен к актам свободной любви, Валентин, войдя в возраст гиперсексуальности, стал активным сторонником права на свободную любовь. Это было в начале 1990-х — времени разброда в умах того поколения молодёжи.

Родители Валентина, воспитанные в духе соблюдения традиционных нравственных ценностей, с беспокойством относились к такому проявлению свободолюбия их сына и, как умели, пытались с этим бороться.

Но многие ли родители способны повлиять на поведение своих чад, особенно, когда это поведение проявилось уже после того, как прочно укоренилось в сознании и образе жизни их повзрослевших детей?

Однажды какой-то провидец сказал матери Валентина:

«Сын твой может погибнуть преждевременной смертью от падения на него большой тяжести».

«Какой ещё „большой тяжести“?» — гадала женщина, встревоженная этим страшным пророчеством. И тут на память ей пришёл случай, как одна молодая мамаша, прогуливаясь по улице с сидящим в коляске младенцем, погибла от падения на неё обрушившегося балкона. Младенца она успела вывести из зоны поражения, даже не подозревая о той опасности, а сама выйти не успела.

С тех пор она часто твердила сыну:

— Никогда не проходи под балконами! Обходи их стороной! Были случаи...

Но сын лишь смеялся в ответ:

— А ещё были случаи, когда с неба на голову людям падали метеориты!

Валентин, на свою беду, очень нравился девушкам. Ещё большей его бедой было то, что он любил новизну, даруемую свободной любовью, и часто менял партнёров. В те годы было много предостережений со стороны медработников об эпидемической опасности таких случайных связей, но Валентина это не пугало. Он был легкомысленно беспечен.

Опасность подстерегала его с другой, непредвиденной стороны.

Не все его случайные партнёрши, легко соглашавшиеся войти с ним в интимную связь, готовы были так же легко прервать возникшие отношения. Некоторым хотелось продолжения. Были среди них и такие, которым хотелось продолжения «любой ценой!».

Страшной ценой была бы месть.

Немыслимо страшной ценой была бы месть с помощью чёрного колдовства.

Одна из брошенных Валентином его случайных партнёрш оказалась настолько ослеплённой обидой на то, что Валентин после того, как вступил в интимную связь с ней (с та-

кой необыкновенной!), легко переключился на другую, что задумала страшную месть:

«Чем та его новая партнёрша лучше?!

Да разве может другая быть лучше?!!

Он подлец! Он ответит за эту подлость!!

Смертью!!!»

*

В ослеплении эта брошенка прибежала к своей родной бабушке, известной среди многих кумушек колдунье, и та поддержала внучку в её желании отомстить «ветренному мерзавцу» с помощью чёрного колдовства.

Тот, кто не соприкасался лично с ведьмами, колдуньями и колдунами, не верят ни в какое колдовство.

Тот, кто лично пострадал от колдовства, знает, что оно есть и что сила его огромна.

Произошедшее с Валентином вполне можно объяснить местью одной его брошенки и чёрным колдовством её бабушки.

А случилось то, что Валентин прогуливался по узкому тротуару, когда навстречу ему из-за угла вышла могучего ви-

да дама с двумя объёмными сумками. Пропуская её, Валентин отшагнул с стене старой полуаварийной двухэтажки, и в этот момент на него обрушился балкон, перегруженный всякими малоценными вещами, в числе которых был давно вышедший из моды сундук, множество ящиков с гвоздями и саморезами всех размеров, инструменты.

Не об этом ли пророчил его матери какой-то там провидец?

Но, возможно, это было случайным стечением обстоятельств.

Скоротечная метаморфоза

Шторм продолжался вечно.

Время перестало существовать.

Приступы морской болезни сменялись беспмятством, беспмятство — кошмарами наяву, порождающими ужасных океанских чудовищ, развратных женщин с лошадиными головами, одноглазых циклопов исполинских размеров, людоедов с бычьими и шакальими головами и козлоногих сатиров, насмехающимися над предсмертными муками старого человека.

Всё это вошло в анналы информационного поля планеты.

*

Когда наступило утро первого погожего дня, жизнь вернулась из небытия, засияла яркими красками, развеяла морок кошмаров, восстановила движение времени в его потоках вперёд и назад, заметалась между единством и борьбой противоположностей.

«Я жив или это я в царстве мёртвых?» — растерялся ста-

рый человек, не веря в естественную возможность столь внезапного преобразования ледяного могильного холода в такой феерический праздник жизни.

Ощущение того, что он жив вошло в старого человека привычными болями в коленях и в пояснице.

«А хорошо, что я жив!

Мои физические страдания ещё не так велики, чтобы убить во мне радость жизни!» — подумал старый человек, оглядываясь вокруг, чтобы понять, где он находится.

Со всех сторон — только голые скалы и спокойная водная гладь, уходящая за линию горизонта. В нескольких метрах от него — обломок белого пластика с буквами «СЕ...». Возможно, это часть шлюпки с названием какого-то судна.

Но какого?

Память сохранила только то, что пригрезилось в ужасном кошмарном бреду. То, что происходило до этого, выпало из неё.

«Кто я?

Где я?

Как я здесь оказался?»

Бесполезно задавать себе вопросы, на которые нет ответа.

Обследование скалистого берега вывело старого человека к гроту, из глубины которого исходило призрачное свечение.

Почему ночные мотыльки летят на свет?

Почему человек, оказавшийся в пустынном месте, тянется к неизвестному источнику света?

Не приведёт ли его этот свет к такой же гибели, которая поджидает мотылька в пламени горящей свечи?

Старый человек вошёл в грот и направился в сторону маящего его огонька. Так он оказался в туннеле, уходящем вглубь скаистой породы. Стены туннеля мерцали в призрачном лунном свете, происхождение которого казалось необъяснимым чудом.

Туннель закручивался спиралью, уходящей на многие километры под землю, но воздух в нём оставался чистым и свежим, хотя технических приспособлений для этого там не было. Это тоже казалось необъяснимым чудом.

Следуя по туннельной спирали, старый человек оказался в просторном помещении правильной цилиндрической формы, залитом призрачным лунным светом. В центре этого помещения возвышался огромный четырёхликий каменный

идол. Высокие стены этого помещения были исписаны символами, напоминающими древние славянские руны, использовавшиеся в рунической магии. Всмотревшись в них, старый человек, потерявший память о своём прошлом в этой жизни, вдруг обрёл память о той давным-давно прошедшей жизни, в которой он был мудрецом по имени Богодей, практикующим руническую магию. В его памяти ожили древние знания о том, как поддерживать силой слова чистоту и свежесть воздуха в этом глубоко заземлённом капище, освещать его и ведущие к нему туннели, повелевать облаками, превращаться в животных и птиц, устраивать затмения луны и солнца.

Сюда, в этот мир торжества сокровенных знаний и силы, перетекла душа старого человека, а его брненное тело разрушилось, кости его истлели и осыпались мелкой взвесью к подножию четырёхликого идола.

Эта скоротечная по меркам вечности метаморфоза завершила историю жизни старого человека, перешедшего в свою давнюю-предавнюю жизнь, и пополнила этим чудом обширнейшие анналы информационного поля планеты.

Любовь и страсть

...любовь, страсть, душа, тело? Это что такое?

Ничего этого нет, есть что-то другое, совсем другое!

Иван Алексеевич Бунин

«Митина любовь»

Есть множество вопросов, ответы на которые лежат за пределами возможностей человеческого ума. Попытка найти те ответы подобна устремлению взгляда в бездну при стоянии на самом её краю. Бездна не прощает такой дерзости. Она затягивает и поглощает тех, кто устремляет в неё свой взгляд. Одних она убивает, других лишает рассудка, сохраняя от тех и других свои сокровенные тайны.

Что такое любовь, страсть, душа и тело?

Бойтесь этих вопросов!

*

Франт по прозвищу Усик пребывал в замешательстве. Его ослепительная улыбка и обворожительные манеры отскакивали от невидимого купола одиноко отдыхающей курортни-

цы Антонины, не находя в нём слабых мест.

Тем хуже для неё. Усик овладевал и не такими неприступными фифами. Он знал толк в искусстве обольщения! Эту воображалу он накажет после того, как добьётся от неё удовлетворения любых его плотских фантазий.

Для Усика «любовь» и «страсть» — это оружие в его умелых руках, а «душа» и «тело» — мишени.

Усик не знал и не догадывался о том, что Антонина была очень сильной колдуньей в тринадцатом поколении. Её стройное молодое тело нуждалось в регулярном сексе, поэтому она рано вышла замуж, выбрав себе в супруги мужчину невзрачного, нелюдимого, но крепкого и неутомимого в постели. Муж её любви не понимал по причине эмоциональной глухоты, а Антонина пребывала душой в том мире, в котором бушуют иные силы, не пересекающиеся с человеческими слабостями. Для неё любовь — это слабость, страсть — это слабость, возведённая в некую степень.

Антонина обладала особой, колдовской притягательностью, сводящей мужчин с ума, но сама была защищена как от искренних мужских порывов, так и от их притворных суррогатов своей ведьминой силой. Она умела считывать мысли из информационного поля всякого человека. Оттуда же она считывала о нём его прошлое-настоящее-будущее. Когда Усик, увидев Антонину загорающей на пляже, начал её обхаживать, обрушивая на неё каскад своих изощрённых уло-

вок, выглядевших, как ненавязчивая, непринуждённая доверительность, располагающая к приятному общению, она отнеслась к его «птичьей трели» с таким безразличием, как если бы вместо него перед нею квохтал и кружился в брачном танце петух. Наконец, он ей изрядно надоел.

«А не превратить ли мне этого самовлюблённого ловеласа в индюка?» — подумала Антонина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.